

Коробенкова, Н. «Считайте меня коммунистом» / Н. Коробенкова // Бичурский хлебороб. – 1989. – 14 окт. (№ 122-123). – С. 6.

«Считайте меня коммунистом»

Здравствуйтесь, дорогие товарищи, колхозники и колхозницы сельхозартели «Красная Заря» Бичурского сельсовета!

Разрешите от имени нашей партийной организации дать вам большевистский, фронтовой привет и пожелать наилучших успехов в вашей работе, уборке урожая и сдаче зерна государству. Мы знаем, что ваш самоотверженный труд на полях и фермах помогает нам, фронтовикам, беспощадно громить врага.

Товарищи колхозники и колхозницы, а хочу доложить вам о боевых делах бывшего члена вашего колхоза «Красная Заря», ныне отважного фронтовика Пантелеева Петра Мироновича.

Петр Миронович Пантелеев один из немногих ныне здравствующих фронтовиков, о ком были написаны благодарственные письма в родной, колхоз по поручению боевого коллектива.

Он родился в 1919 году. Шестнадцати лет вступил в колхоз «Красная Заря». После войны, закончив РКШ, стал работать счетоводом, бухгалтером.

На пенсию его проводили и 1979 году с должности бухгалтера колхоза «Рассвет» (бывший колхоз «Красная Заря»). На действительную призван летом сорокового года. Не думал тогда молодой красноармеец, что домой он вернется только через семь лет. Позади останется пол-Европы.

С первых же дней своей службы рядах Красной Армии т. Пантелеев отдавал все силы и способности для того, чтобы отлично изучить военное дело и в грядущих боях бить врага наверняка. В дни боевой и политической подготовки т. Пантелеев служил примером для всех бойцов в точном и аккуратном выполнении приказов командования. Он готовил себя бить немецко-фашистских захватчиков и с нетерпением ждал того дня, когда на него выпадет эта почетная миссия. И он дождался того счастливого дня, когда его зачислили в действующую Армию. Он тогда с гордостью заявил: «Отныне я фронтовик».

Ветеран войны и труда Петр Миронович Пантелеев комментирует письмо, написанное 45 лет назад, в ноябре 1944 года парторгом Н-ской части, в составе которой он дошел до Венгрии.

«Война застала меня в летних учебных лагерях на Востоке, близ села

Гродоково, где я проходил действительную. В конце июня на рассвете, нас подняли по тревоге и направили на границу с Манчжурией. Почти два года стояли здесь, считай, все сопки перекопали: ждали нападения японцев. В мае сорок третьего наш артиллерийский полк вошел в состав сформированной 95 тяжело-гаубичной артиллерийской бригады резерва Главного командования и сразу на фронт. Эшеленом проехали через всю страну и разгрузились в только что освобожденной Вязьме».

Вот уже 13 месяцев, как красноармеец Пантелеев сражается на поле боя с немецко-фашистскими захватчиками, проявляя при этом мужество и отвагу. Не раз ему приходилось под сильным вражеским огнем выполнять боевые задания и выходить победителем. За стойкость и мужество тов. Пантелееву присвоено внеочередное военное звание младшего сержанта. Во имя победы над врагом, во имя нашей Социалистической Родины и великого полководца товарища Сталина, тов. Пантелеев бьет немцев мужественно, умело не щадя своей силы и самой жизни.

«От Смоленска с боями пошли на Запад. Впереди Ельня, Витебск... Первый бой принял под Оршей. В июне сорок четвертого в ходе Витебско-Оршанской операции этот небольшой белорусский городок был освобожден. Сегодня районный центр Орша известен тем, что здесь впервые был произведен залп батареи советских реактивных минометов («Катюш»), Нашу 95-ю бригаду, как «резервную, бросали на прорыв в горячие точки, и потому мы часто меняли направление. Летом сорок четвертого года я оказался на Ленинградском фронте, под Выборгом. Разворачивалась Выборгская операция. Мы участвовали в разгроме финских войск на Карельском полуострове. Бои были жестокие. Немцы и финны заняли «линию Маннергейма», сильно укрепленную систему заграждений. Передний край ее находился в 32 километрах от Ленинграда, общая протяженность почти 140 километров. В ходе боев прорвали оборону противника, освободили северную часть Ленинградской области и обеспечили безопасность Ленинграда.

Благодарность (справка). Выдана сержанту Пантелееву Петру Мироновичу в том, что ему за отличные боевые действия при прорыве обороны финнов на Карельском перешейке севернее города Ленинграда приказом Верховного Главнокомандующего тов. Сталина от 11 июня 1944 года объявлена благодарность.

Начальник штаба: Сумин. Командир части: (подпись).

Мы уже освобождали молдавские города, приближались с боями к реке

Прут, где была перед нами, поставлена задача - разгромить яско-кишиневскую группировку противника. Освободили Яссы. Впереди Карпаты. Шли ущельями. Дорога вверху, внизу река, транспорту отвернуть некуда. Фашистские самолеты бомбят. Слева откос, справа тьма в реку. Трудным был путь на Кишинев и далее в Румынию. Казалось, река Прут кипит от крови. По берегам кукурузные поля. Кукуруза в два человеческих роста. Немцы, румыны бегут с обоих берегов. Били мы их здесь беспощадно. Прижали к реке. Они в кукурузу. Наши предложили им сдаться, предупредив, что будут прочесываться поля. Тут они поднялись. Немцы, венгры, румыны и наши, власовцы. Собрали их в лощину, «рассортировали» (генерал наш при этом присутствовал). Многие венгры перешли в освободительную армию, фашистов и власовцев отправили под конвоем в тыл. Газеты в те дни сообщали, что в ходе этой операции было уничтожено и взято в плен 22 дивизии противника. О наших потерях в войну не сообщали, а если сообщали, то очень скупое. А сколько друзей и товарищей мы потеряли здесь! Кто теперь сосчитает. И мне пришлось хоронить своих, до сих пор не забуду друга, красноярского парня Васю Овсевича. Мы с ним с Востока вместе пришли, служили в одной части. Его убило осколком в висок на наблюдательном пункте, прямо за стереотрубой. Я подбежал — он недвижим.

— Вася, что ты?

А ранка крошечная и крови нет. На плащ-палатке унесли мы его в ближайший лесок, отрубили вершину сосны и поставили этот солдатский памятник. Химическим карандашом написали на стесанном крае сосенки, кто здесь лежит и откуда. У меня был адрес Василия, а у него — мой. Так нам рекомендовали. Бой есть бой. Кого-то могут убить, а всех зараз не убьют. Уговор был простой: кто живым останется, напишет родным. Напишет человеческим языком, а не скупой похоронкой. Сообщил я матери друга, где и как погиб, получил ответ от его сестры, но на этом переписка оборвалась. Мы уже были в Румынии, шли на помощь вспыхнувшему в Бухаресте народному восстанию. В освобождении столицы Румынии участвовали румынские войска, повернувшие оружие против немца. Шли последние месяцы войны.

Венгрия. Мы приближались к городу-крепости Будапешту. Вот где был настоящий ад. Дома превращены в крепости. Улицы—в минные поля. Танковые сражения шли на площадях, на узких улочках. Город охвачен сплошными пожарами. Немец все силы отдавал, чтоб остановить наше наступление. Но инициатива была в наших руках. И тактику наше командование сменило: мы теперь больше шли на окружение, а не в лоб. Очень запомнились уличные бои. И так бывало: мы на первом этаже, а фрицы выше, они ж лезут доверху, до крыши, каждую дверь с боем брали. В

Будапеште получил, я контузию, от которой страдаю до сей поры. Мы со старшим лейтенантом пошли в разведку. Вышли к шоссе. Оно простреливалось. Мы и угодили под этот огонь. Близко разорвался крупнокалиберный минометный снаряд. Слух, речь, зрение потерял в один миг. Оказался в медсанбате. От своих отстал. Все потом восстановилось вроде бы, но слух ослаб, в голове постоянный шум.

О победе услышал в австрийском госпитале. Было так. Однажды на шоссе за городом раздалась беспорядочная стрельба. Все заволновались. Кто это — свои? А может немцы окружили? Начальник госпиталя отправил разведку (при госпиталях — караулы, постоянная охрана), так как стали известны случаи зверств фашистов, ворвавшихся в наши госпитали. Оказалось, по шоссе шла наша моторизованная колонна войск, и они только что получили по радиостанции известие о Победе. Что тут началось! Повскакали все, кто мог, кто на костылях, кто за товарища держится. Побросали госпитальные койки. Обнимаемся, поздравляем друг друга, медперсонал с Победой. Санитары потом еле собрали нас, очумевших от радости. После излечения и уже, можно сказать, после войны оказался я в запасном полку. Служил в комендатуре города Лиленфель, недалеко от столицы Австрии Вены. Прослужил здесь целый год, до мая сорок шестого. Но и после демобилизации не сразу попал домой.

Путь был через Германию, оттуда эшелонам в сорок товарных вагонов на Москву. В сентябре сорок шестого года вернулся на родину. В Улан-Удэ встретил первого земляка, бичурского довоенного фотографа Ульяна Гордеевича Акатова.

Увидел он меня на базаре, обнял и говорит: «Петро, отец твой, дед Мирон тут». У меня и ноги подкосились. Матери с малолетства нет, а с восьмидесятичетырехлетним отцом мы встретились почти через семь лет, после того, как он проводил меня на службу.

Многое повидал я и пережил эти годы. Был артиллерийским разведчиком, хотя на действительной получил специальность топографа и должность командира топографического отделе пня. Попадал вместо со своим полком, казалось бы, в безвыходное положение. Помню, в Румынии наш дивизион вместе со штабом бригады был окружен. Взял нас фашист вилку и вдобавок направил танки. Отбирали жесточайшую танковую атаку. Выкатили орудия и били прямой наводкой. Немцы отступили, но и мы прорваться к своим в эту ночь так и не смогли. К счастью, прорвалась к нам наша танковая разведка на одном танке. Появилась надежда, бой не затихал. Кругом огонь, трассирующие пули. Не смолкает артиллерийская канонада. Он по нас — мы

по нему. Вот тут-то каждый патрон собирали — и в карман. Что греха таить, в обычной обстановке патроном не всегда дорожили. Вооружили нас до зубов и гранатами: «Отбивайтесь, ребята, как можете».

Первую свою боевую награду медаль «За отвагу» получил в боях на Яско-Кишиневском направлении. Серьезных ранений не было, если не считать пулевого ранения в ногу. А вот тяжелые контузии были и не один раз. Случались и светлые дни. Это когда получишь весточку из дома, когда освободишь родной город или село. Не забыть день, когда мне вручили партийный билет».

Как стойкого воина, верного сына нашей великой Родины мы приняли сержанта Пантелеева в ряды нашей большевистской партии. При вступлении в ряды партии Ленина — Сталина тов. Пантелеев заявил: «Великое звание члена Коммунистической партии оправдаю с честью». Как хозяин своего слова тов. Пантелеев звание фронтовика и члена Всесоюзной Коммунистической партии большевиков оправдывает с честью.

«В партию вступил на фронте. А кандидатом меня приняли в сорок третьем, когда мы ехали на фронт. Приняли прямо в вагоне, где находился политотдел. Подошел ко мне как-то политрук и говорит: «Красноармеец Пантелеев, вы не думали о том, что вам пора вступать в партию?». — «Достоин ли?» — сомневаюсь я. А он: «У вас, как у солдата, нет замечаний, Считаю, тот, кто идет на передовую, в первую очередь достоин».

Дал Устав, Программу, и мы вместе с другими ребятами стали заниматься. Ехали долго, железная дорога загружена. Стояли в тупиках. А под Оршей вступили в бой. Здесь меня приняли из кандидатов в члены ВКП(б). Кандидатский стаж был всего несколько месяцев. Тогда действовали льготы для кандидатов, находящихся на передовой. Кандидатский стаж мог быть значительно меньше года. Все зависело от поведения в бою. И оформили дело быстро, без проволочек. После очередного боя в короткое затишье политрук дивизиона вызывает меня из взвода управления в штаб бригады.

— Будут принимать в партию.

— Рано, — говорю.

А он:

— Никаких! У солдата на фронте привилегия. А какая привилегия у коммуниста, ты уже знаешь — быть впереди.

В офицерской землянке зачитали анкету, заявление. Политрук С. Коков, который знал меня еще до войны, по кадровой службе, дал характеристику.

— Поздравляем вас, красноармеец Пантелеев.

— Служу Советскому Союзу!

Я как был с автоматом, кругом марш, а утром снова в наступление».

Большое спасибо вам, колхозники и колхозницы, большое спасибо родителям тов. Пантелеева, воспитавшим стойкого большевика, не знающего страха в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками за нашу счастливую жизнь.

Письмо писал по поручению парторганизации парторг Н-ской части С. Г. Коков.

«Прошу считать меня коммунистом». Так писали в своих заявлениях бойцы, уходя в бой. Сегодня много говорится о необходимости восстановления престижа партии. В годы Войны авторитет ее был чрезвычайно высок. Только за первое военное полугодие в партию принято в четыре раза больше, чем за тот же период до войны. Ежемесячно армейские парторганизации принимали кандидатами в члены партии 100 тысяч воинов.

В 1945 году в Советских Вооруженных Силах находилось 3,3 млн. коммунистов, 60 процентов всего состава партии. Возрос прием в партию и в тылу. Так, в 1942 году в Бичурскую районную партийную организацию было принято 135 человек, за 7 месяцев 1943 года — 114 человек. Все это результат патриотического подъема, которым были охвачены советские люди. Тот, кто вступал тогда в партию, ясно представлял, что в условиях войны это означает готовность быть на самых трудных участках фронта и тыла.

Красноармеец Скуратов Илья Платонович, вернувшийся по случаю тяжелого ранения в родное село Елань, писал в своем заявлении: «Я дрался против немецко-фашистских захватчиков за советскую Родину. Если потребуется, готов пойти снова громить немецких захватчиков.

В такой ответственный период не могу остаться беспартийным и прошу принять в ряды Ленинской партии». Из заявления фронтовика Протасова Ивана Степановича (с. Малый Куналей): «Я комсомолец, участник Отечественной войны понимаю, какая ответственность лежит на коммунистах, и хочу принять эту ответственность на себя».

Такие клятвы дали в боевой обстановке Осипов Иван Агафонович и Тюрюханов Григорий Прокопьевич (Бичура), Балданов Султум Балданович, Белых Илларион Платонович (Алтачей), Куприянов Иван Иванович (Бичура) и многие другие наши земляки.

Петр Миронович Пантелеев достойно несет звание коммуниста. Он избирался секретарем бригадной партийной организации колхоза, был депутатом Бичурского сельского Совета, честно работал и не чуждался Об-

щественных дел. Бывший парторг ныне председатель колхоза «Рассвет» Алексей Иванович Павлов так отзывается о нем: «Петр Миронович - хороший человек, инициативный, исключительно дисциплинированный и аккуратный в любом деле. Уйдя на пенсию 10 лет назад, он не порвал связи с парторганизацией, как это нередко случается. Не ушел от общественной жизни. Его советы и предложения разумны и полезны, критика доброжелательна. Это настоящий коммунист».

Н. Коробенкова